12+

Зорин Яромир

Тонкий мир

Яромир Зорин

Тонкий мир

«Издательские решения»

Зорин Я.

Тонкий мир / Я. Зорин — «Издательские решения»,

Мир фей здесь не похож на диснеевские сказки. Это мир хитиновой эстетики, где милые лица скрывают инсектоидные мандибулы, а красота — это маскировка хищника. Местные существа обожают забирать людей, но не для того, чтобы сделать их слугами, а чтобы использовать их как материал — для выращивания своих детей, для удобрения своих садов или для поддержания своей вечной жизни.

© Зорин Я.
© Издательские решения

Содержание

Пролог 6
Ежевика 6
Часть 1 8
1 8
Шестьдесят лет 8
2 12
Сад 12
3 16
Грядки 16
4 20
Нора 20
5 24
Сердце 24
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Тонкий мир

Яромир Зорин

© Яромир Зорин, 2026

ISBN 978-5-0071-7440-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Ежевика

В тот год ежевика поспела рано.

Тениси было семь. Томми — девять. Он был старше на два года и три месяца, и это давало ему право решать, где заканчивается двор и начинается мир. Мать велела не ходить за старую проволочную изгородь: там начинался лес, а за лесом — болото. «Там дно не держит», — говорила она, но Томми смеялся и говорил, что дно держит всех, просто не всех выпускает.

В августе стояла такая жара, что воздух над дорогой дрожал, как студень. В саду пахло пылью, нагретой травой и кислой сливой. Мать развесила белье и ушла в дом. Тениси сидела на крыльце с банкой, куда складывала улиток. Томми подошел и стукнул её по плечу:

— Там за изгородью ежевики — на три дня не оберешь. Сладкая, как варенье.

— Мама сказала нельзя.

— Мама сказала не ходить на болото. А мы не на болото. Мы за ежевикой.

Он умел говорить так, что запрет становился просто словом. Тениси пошла.

Они пролезли под проволокой. Томми порвал рубашку о гвоздь и сказал, что это будет их тайна. Тениси несла банку, он — старую жестяную кружку. Трава была выше колен, и в ней трещали кузнечики. Чем дальше они шли, тем гуще становился запах: сладкий, тяжелый, с гнильцой. Тениси подумала, что так, наверное, пахнет варенье, если его забыть в шкафу на десять лет.

Ежевичник стоял у края леса, как черная стена. Ягоды были крупные, лиловые, почти черные. Томми первый запустил руку в колючую гущу и вытащил горсть. Пальцы у него сразу стали фиолетовыми.

— Видишь? — сказал он. — А ты боялась.

Тениси начала собирать. Колючки царапали запястья, но ягоды были сладкие, теплые от солнца. Она ела половину и складывала половину в банку. Томми ушел дальше, к просвету между кустами. Она слышала, как он напевает под нос какую-то песню, которую им не пели дома.

Потом он замолчал.

Тениси подняла голову. В тишине стало слышно, как далеко, на болоте, кричит птица. И еще что-то: тонкое, высокое, будто кто-то водил мокрым пальцем по стеклу.

— Томми?

Он не ответил. Она раздвинула ветки и увидела его спину. Он стоял неподвижно, лицом к лесу. Рубашка на спине потемнела от пота. Правая рука с недоеденной ягодой застыла у рта.

А из-за куста ежевики ему махала рука.

Тениси сначала подумала, что это другой ребенок. Рука была бледная, почти белая, и в ней было что-то не так. Пальцы. Они были слишком длинные. Не как у взрослых, не как у детей — как ветки, выросшие не в ту сторону. Они сгибались медленно, по одному, будто кто-то пересчитывал что-то в воздухе. На ногтях блестела темная земля.

Рука поманила.

Томми сделал шаг вперед.

— Томми, — сказала Тениси. — Томми, не надо.

Он обернулся. И улыбнулся.

Это была не его улыбка. Томми улыбался криво, одной стороной, когда собирался соврать или стащить печенье. Он улыбался широко и глупо, когда выигрывал в салки. Он улыбался зло, когда дергал её за косу. Но так он никогда ей не улыбался. В этой улыбке было столько

счастья, что у Тениси заныли зубы. Будто он увидел что-то, чего не должно было существовать, и обрадовался этому больше, чем всему на свете.

— Тут ягод больше, — сказал он. Голос был его. Совсем его. — Иди сюда, Тениси. Тут сладко.

Рука за кустом исчезла. Ветки качнулись и замерли.

Томми повернулся и пошел в лес.

Не побежал. Не оглянулся. Просто пошел, ровно, как по коридору. Тениси крикнула. Он не остановился. Она бросилась за ним, но колючки вцепились в платье, банка выскользнула и разбилась. Ягоды рассыпались по траве, как капли крови. Она рванулась, оставляя на шипах клочья ткани, и выскочила на прогалину.

Томми уже не было.

Трава была примята. В воздухе стоял густой запах — не ежевики, не болота. Пахло жженой карамелью и мокрой землей. На месте, где стоял брат, лежала его жестяная кружка. Внутри, на дне, что-то блестело. Тениси наклонилась. Это был гриб. Маленький, бледный, с шапочкой, похожей на сморщенное лицо. Он был теплый, будто его только что держали в руке.

Она звала Томми до хрипоты. Потом побежала домой. Мать сначала не поняла. Потом поняла и закричала так, что с крыши сорвались голуби. Прибежали соседи. Мужчины взяли фонари и палки. Они ходили по лесу до темноты, кричали имя Томми. Нашли его кепку у края болота. Больше ничего.

На следующий день старуха с соседнего двора сказала:

— Мальчик утонул в болоте. Так бывает. Болото затягивает.

Тениси сказала, что видела руку. Что рука махала. Что Томми улыбался.

Взрослые переглянулись. Мать заплакала и прижала её к себе. Отец сказал, что она перепугалась и придумала. Соседка сказала, что ежевика колючая, а дети впечатлительные. Все согласились: мальчик утонул. Тела не нашли, но болото редко отдает тела. Так бывает.

Тениси не спорила. Она лежала ночью в постели, смотрела в потолок и вспоминала улыбку. Не свою, не Томмину — чужую, которую надели на его лицо, как чужую шапку. И еще она вспоминала пальцы. Слишком длинные. Слишком спокойные. Они не звали. Они считали.

Она не знала тогда, что это было только начало. Что через шестьдесят лет она найдет в подвале банку с высохшими спорами, выращенными на костях висельника. Что высыпет их в землю на заднем дворе и увидит, как плоть земли вспучится кругом поганок. Что сделает шаг в туман, пахнущий гниющей карамелью.

В ту ночь она просто лежала и слушала, как под полом кто-то очень тихо напевает песню, которую им не пели дома.

Часть 1

1

Шестьдесят лет

Тениси проснулась за час до рассвета, как просыпалась последние сорок лет, — без будильника, от того, что в доме стало слишком тихо. Тишина у неё всегда пахла подвалом: сырой землей, уксусом, формалином и чем-то еще, сладковатым, что она давно перестала замечать.

Ей было шестьдесят семь. Колени ныли, левая рука плохо сгибалась после зимы, а волосы она стригла сама, коротко, чтобы не тратить время на зеркало. Зеркал в доме осталось два: одно в ванной, треснувшее по диагонали, и второе — маленькое, круглое, в прихожей. В оба она старалась не смотреть. Не из суеверия. Просто в отражении всегда было слишком много времени.

Она надела старый халат, сунула ноги в галоши и спустилась в подвал.

Ступени скрипели в трех местах. Она знала эти места наизусть. На седьмой ступеньке надо было держаться за перила, на девятой — наклонять голову, потому что над ней торчала труба. Внизу пахло так, как пахнет земля, если долго держать её в банке. Тениси включила лампу на шнуре. Желтый свет выхватил полки.

Банки стояли рядами, как солдаты на смотре. В одних плавали бледные стебли, в других — корни, похожие на пальцы, в третьих — грибы. Многие были закрыты воском. На некоторых этикетках стояли даты, написанные её рукой, и имена, которые она не произносила вслух. Гербарии лежали в папках, переложенные газетами шестидесятых годов. Газеты пожелтели, но чернила ещё держались.

В углу, на отдельном столе, под стеклянным колпаком, стояла плоская жестяная коробка. В ней лежали кости. Не все — только несколько. Ребро, фаланга, кусок челюсти с одним зубом. Кости были старые, темные, с налетом, похожим на соль. Тениси достала их восемь лет назад в медицинском музее в городе, через человека, который не задавал вопросов. Человек умер через год. Тениси не чувствовала вины. Она вообще давно перестала чувствовать многое. Осталось только одно чувство, которое росло в ней, как грибница в темноте.

Она сняла с полки банку. Внутри, на дне, лежал порошок. Серо-зеленый, мелкий, как пыльца. Он не пах ничем. Совсем ничем. Это было хуже всего.

Шестьдесят лет.

Она помнила, как считала первые годы. Сначала по дням. Потом по неделям. Потом по временам года. Зима, весна, лето, снова зима. Мать умерла через двенадцать лет после Томми. Отец — через пятнадцать. Соседи разъехались, дом снесли, на его месте построили гараж. Тениси осталась в старом доме на краю города, где за огородом начинался лес, а за лесом — болото. Она не выходила замуж. Не заводила друзей. На работе, в библиотеке, её считали странной, но терпели: она знала, где что лежит, и никогда не опаздывала. Когда библиотеку закрыли, она стала брать книги домой и не возвращать. Никто не проверял.

Она изучала демонологию, потому что хотела понять, с чем имеет дело. Изучала микологию, потому что поняла: то, что увело Томми, не было демоном. Демоны приходят из воздуха, из слов, из крови. А это пришло из земли. Из-под ежевики. Из грибницы.

Она нашла трактат в семидесятом году, в букинистической лавке, в коробке с мусором. Книга была без обложки, на латыни, с гравюрами, от которых хотелось мыть руки. В ней гово-

рилось о «круге плоти» — месте, где мир растений и мир людей соприкасаются, как две раны. Там говорилось о грибе, который растет на костях повешенного, если кости не были погребены. Гриб впитывает последний выдох, а последний выдох повешенного — это не воздух. Это дверь.

Рецепт был прост. Высушить споры. Растереть в пыль. Высыпать в землю, которую никогда не трогал плуг. И ждать.

Тениси ждала шестьдесят лет. Сначала потому, что была слишком мала. Потом потому, что не могла достать кости. Потом потому, что боялась. А потом страх кончился. Кончился в тот день, когда она поняла, что помнит лицо Томми хуже, чем его улыбку. Ту, чужую. И что если она не сделает это сейчас, то забудет даже её.

Она поднялась наверх, взяла лопату и вышла во двор.

Август был сухой. Трава на заднем дворе выгорела, земля потрескалась, как старая кожа. У забора стояла яблоня, которую она не обрезала двадцать лет. Яблоки на ней были мелкие, кислые, и никто их не собирал. Под яблоней земля была мягче. Тениси выбрала место в тени, где никогда не росла трава. Она сама не помнила, почему там ничего не растет. Может, когда-то там жгли листья. Может, что-то было закопано. Это не имело значения.

Она вонзила лопату. Земля поддалась неохотно, с сухим треском. Тениси копала медленно, останавливаясь, чтобы перевести дух. Круг получился неровным, но ей было все равно. Она высыпала порошок из банки в центр, разровняла ладонью. Порошок прилип к коже, и на секунду ей показалось, что пальцы стали чужими. Длиннее, чем были.

Она выпрямилась.

— Томми, — сказала она. Голос был хриплый, как земля. — Я иду.

Сначала ничего не произошло. Ветер стих. Птицы замолчали. Тениси стояла и смотрела на серо-зеленую пыль, и в голове у неё было пусто, как в банке. Потом земля вздохнула.

Это был не звук. Это было движение. Почва поднялась, будто под ней перевернулся кто-то большой. Трещины расширились, и из них пошел пар. Он был теплый, влажный, с запахом жженой карамели и мокрой шерсти. Тениси отступила на шаг. Пар собрался в туман, туман — в круг. А в круге начали расти грибы.

Они вылезали быстро, как пальцы из кулака. Шляпки были бледные, восковые, с темными крапинами. Ножки — толстые, мясистые. Они вставали по кругу, ровно, будто кто-то расставил их по линейке. Когда последний гриб раскрылся, из него вырвался свет. Не яркий. Мягкий, желтоватый, как свет из окна в чужом доме.

Туман сгустился. Внутри него что-то двигалось.

Тениси почувствовала, как у неё замерло сердце. Не от страха. От узнавания. Она ждала этого шестьдесят лет и всё равно оказалась не готова. В тумане был запах ежевики. Той самой, из детства. Сладкой, теплой, с гнильцой.

Она сделала шаг.

Галоши утонули в траве, которая стала вдруг высокой и мягкой. Туман обнял её, как мокрая простыня. На секунду Тениси ослепла. Потом свет изменился. Стал зелёным, потом золотым, потом опять зелёным. Она услышала, как где-то очень далеко кто-то поет колыбельную. Мелодия была незнакомая, но от неё хотелось выть.

Тениси вышла из тумана и остановилась.

Деревья вокруг были сложены из мышц. Она видела волокна, сухожилия, темные прожилки, по которым что-то двигалось — медленно, как кровь. Кора отсутствовала. Вместо неё была кожа, теплая на вид, покрытая мелкими порами. Ветви шевелились без ветра. На них росли цветы. Они были красивые, белые, с длинными лепестками, и когда Тениси подошла ближе, она услышала, что они поют. Тихо, тонко, на одной ноте. Колыбельную.

Под ногами была не земля, а мох. Он пружинил, как губка. Тениси посмотрела вниз и увидела, что из мха торчат грибы. Те же самые. Бледные, восковые, с крапинами. Они тянулись к её ногам, как котята.

Она подняла голову.

Впереди, между мясными деревьями, стояли фигуры. Маленькие, не выше её колена. Они были изящные, как стрекозы, с прозрачными крыльями и острыми лицами. На них были платья из листьев и паутины. Они улыбались.

Тениси знала эти улыбки. Она видела одну такую шестьдесят лет назад на лице брата.

Фигуры зашевелились. Одна из них, с короной из сухих ягод на голове, сделала шаг вперед и поклонилась. Её глаза сияли, как светлячки. Тениси присмотрелась и поняла: в глубине зрачков не отражается свет. Там была только темнота. И голод.

— Тениси, — сказала фигура. Голос был как звон стекла. — Мы ждали тебя. Томми будет рад.

Где-то в глубине мясного леса кто-то засмеялся. Смех был детский, счастливый. Тениси узнала его. Она узнала бы его где угодно.

Она сделала еще один шаг. Мох под ногами чавкнул, как сырое мясо. Цветы запели громче. Грибы тянулись к её лодыжкам.

— Где он? — спросила Тениси.

Фигура улыбнулась еще шире. Её лицо треснуло по краям, как переспелая ягода.

— В саду, — сказала она. — Мы все в саду.

Тениси сжала кулаки. В правом кармане халата лежал нож. В левом — маленькая банка с солью и порошком из высушенных грибов, которые, по трактату, могли заставить круг плоти закрыться. Она не знала, сработает ли это. Трактат был старый, а грибы — новые.

Но она была здесь. И Томми был здесь. Живой. Не человек. Но живой.

Она посмотрела на фигуру с короной и сказала:

— Веди.

Фигура повернулась и пошла между мясными деревьями. За ней двинулись остальные. Они шли босиком по мху и не оставляли следов. Тениси шла за ними. Цветы пели. Грибы тянулись. Где-то впереди, в глубине сада, смеялся мальчик, которого не было шестьдесят лет.

Тениси шла на смех.

2

Сад

Корона из сухих ягод покачивалась в такт шагам. Пикси шла впереди, не оборачиваясь, и её прозрачные крылья дрожали, как стрекозиные, хотя воздуха здесь не было. Тениси шла за ней, стараясь ступать туда же, куда ступала она, но мох под ногами всё равно чавкал, и каждый шаг отдавался в коленях тупой болью. Она считала шаги. Двадцать восемь, двадцать девять, тридцать. На сороковом дерево справа вздрогнуло, и из его коры — кожи, поправила себя Тениси, — выступила тёмная капля. Она скатилась по стволу и упала в мох. Мох впитал её и стал чуть темнее.

— Долго ещё? — спросила Тениси.

Пикси не обернулась.

— Сад близко, — сказала она. Голос был звонкий, но слова выходили какими-то помятыми, будто она держала их во рту слишком долго. — Томми ждёт. Он всегда ждёт. Он такой.

Тениси хотела спросить, какой, но промолчала. Она смотрела по сторонам и запоминала. Мясные деревья стояли неровно, но между ними были тропинки, протоптанные в мхе. По этим тропинкам ходили. Она видела следы: маленькие, босые, с тремя пальцами. Некоторые следы были глубже, будто кто-то тащил что-то тяжёлое. Или кого-то.

Цветы на ветвях поворачивались к ней, когда она проходила мимо. Они были белые, с длинными лепестками, и в сердцевине у них было что-то круглое, тёмное, похожее на зрачок. Они пели. Мелодия не менялась, но когда Тениси подошла ближе, одна нота сорвалась и повисла в воздухе, как оборванная нитка. Цветок затих. Потом запел снова, но уже тише, будто обиделся.

— Не смотри на них, — сказала пикси. — Они стесняются.

Тениси не стала спрашивать, что будет, если они перестанут стесняться. Она сунула руку в карман халата и нащупала нож. Лезвие было холодное, и это было единственное холодное, что она чувствовала с тех пор, как вошла в туман. Здесь всё было тёплым. Мох. Деревья. Воздух, который она вдыхала, был густым и сладким, как сироп, и от него немного кружилась голова. Тениси дышала через рот, но сироп всё равно оседал на языке.

Они вышли на развилку. Тропинка раздваивалась: одна ветка уходила влево, в гущу мясных стволов, другая — вправо, к поляне, где трава была выше и свет ярче. Пикси остановилась и повернула голову. Её лицо было гладкое, как яйцо, и на нём не было ничего, кроме глаз. Глаза сияли.

— Нам направо, — сказала она.

Тениси посмотрела налево. Там, в глубине, между стволами, что-то двигалось. Что-то большое. Оно не шло, а перекатывалось, как тесто в квашне. Тениси прищурилась и увидела, что это существо состоит из корней, мха и кусков коры. У него была голова, похожая на пень, и руки, похожие на грабли. Оно ползло по земле, собирая грибы в передник из листьев. Грибы пищали, когда он их срывал. Писк был тонкий, как комариный.

— Это садовник, — сказала пикси. — Он не любит гостей. Пойдём направо.

Тениси пошла направо. Но перед этим вытащила нож и, не глядя, чиркнула лезвием по стволу ближайшего дерева. Кора разошлась легко, как мокрая бумага. Из разреза выступила кровь — тёмная, густая, с запахом ржавчины и сахара. Тениси вытерла нож о халат и пошла дальше. Она не оборачивалась, но слышала, как разрез за её спиной закрывается. Медленно. С влажным чмоканьем.

Поляна была круглой. Трава на ней была мягкая, как шерсть, и чуть светилась изнутри. В центре стояло дерево. Оно было не как остальные. Ствол у него был толстый, гладкий, без мышц и сухожилий, и в нём чувствовалось что-то тёплое, будто под корой билось сердце. Ветви были длинные, спускались до земли, как занавес. На ветвях висели плоды. Тениси сначала подумала, что это яблоки. Потом подошла ближе и увидела, что это не яблоки.

Это были коконы. Полупрозрачные, желтоватые, размером с ребёнка. В каждом кто-то был. Тениси видела тёмные силуэты: согнутые колени, прижатые к груди руки, склонённые головы. Они не двигались. Но когда она подошла, ближайший кокон дёрнулся. Внутри него что-то повернулось. Тениси отступила.

— Это гости, — сказала пикси. — Они отдыхают. Скоро проснутся.

— Кто они?

— Разные. Приходят. Остаются. Томми тоже отдыхал. Но он уже проснулся. Он особенный.

Тениси посмотрела на коконы. В одном из них, в самом дальнем, она увидела женщину. Лицо у женщины было бледное, глаза закрыты, а волосы — длинные, тёмные — плавали вокруг головы, как водоросли. На шее у неё была цепочка с медальоном. Тениси узнала медальон. Такие продавали в соборе Святого Антония в шестьдесят восьмом году, когда она ездила в город за книгами. Женщина была из её мира. Из её времени.

— Давно она здесь? — спросила Тениси.

Пикси пожала плечами. Плечи у неё были острые, как ножи.

— Сад не считает время. Время — это для тех, у кого есть тень. У нас нет тени.

Тениси посмотрела на землю. У пикси действительно не было тени. И у неё самой, поняла она вдруг, тоже. Солнце — или то, что здесь было вместо солнца, — светило сверху, но тень под ногами Тениси была бледная, как отражение в мутной воде.

Она не стала думать об этом. Она подошла к дереву и раздвинула ветви.

За ветвями был Томми.

Он сидел на корточках у ствола, спиной к ней, и что-то делал. Она видела его затылок, его уши, его плечи. Он был в той же рубашке, что и шестьдесят лет назад, — синей, с оторванным воротником. Рубашка была чистая. Ни пятнышка. Будто он надел её только вчера.

Тениси хотела позвать его. Но голос застрял в горле. Она стояла и смотрела на его спину, и в голове у неё было пусто, как в банке, которую она разбила в тот день. Она ждала этого шестьдесят лет и всё равно не знала, что сказать.

Томми обернулся.

Он был тот же. Девятилетний мальчик с острыми локтями и ссадиной на подбородке. Глаза у него были карие, как у матери. Волосы торчали в разные стороны. Он улыбнулся — и это была его улыбка. Кривая, одной стороной, та самая, которой он улыбался, когда собирался соврать. У Тениси защипало в носу.

— Ты долго, — сказал Томми. Голос был его. Совсем его. — Я думал, ты не придёшь.

— Я пришла, — сказала Тениси. Голос у неё был хриплый. — Я пришла, Томми.

Он встал. В руках у него был нож — маленький, перочинный, с деревянной ручкой. Тениси узнала его. Это был его нож. Тот самый, которым он вырезал свистульки из ивы. На лезвии была кровь.

— Ты порезался? — спросила она.

Томми посмотрел на нож, потом на неё. Улыбка стала шире.

— Нет, — сказал он. — Это не моя.

Он шагнул к ней, и Тениси увидела, что за его спиной, у ствола дерева, лежит кто-то. Маленький, с острыми ушами, с прозрачными крыльями. Пикси. Мёртвая. Кровь у неё на груди была тёмная, как ежевичный сок.

— Томми, — сказала Тениси. — Что ты сделал?

— Она хотела меня съесть, — сказал он просто. — Они все хотят. Но я не даюсь. Я никому не даюсь.

Он подошёл вплотную. От него пахло ежевикой, тёплой и сладкой, и ещё чем-то — землёй, мхом, грибами. Он взял её за руку. Пальцы у него были холодные, как у мертвеца. Но это был Томми. Это был её брат.

— Ты выросла, — сказал он. — Старая стала.

— Шестьдесят лет, — сказала Тениси.

— Здесь время не идёт, — сказал Томми. — Здесь всё стоит. Я всё ждал, когда ты придёшь. Я знал, что ты придёшь. Ты всегда приходила, когда я звал.

Он улыбнулся снова. И на этот раз в его улыбке было что-то ещё. Что-то, чего Тениси не видела раньше. Что-то, от чего у неё по спине пробежал холодок.

— Пойдём, — сказал он. — Я покажу тебе сад. Он красивый. Тебе понравится. А потом мы посидим, и ты мне расскажешь, как там дома.

Тениси посмотрела на мёртвую пикси. Потом на коконы. Потом на нож в руке Томми. Он держал его легко, как игрушку. Как будто только что вырезал свистульку.

— Хорошо, — сказала она. — Пойдём.

Она пошла за ним. Он шёл впереди, и трава под его ногами не приминалась. Он не оставлял следов. Тениси оставляла. Она смотрела на его спину, на его острые лопатки, и думала: он убил пикси. Он ждал меня шестьдесят лет и убил пикси. Но он улыбается. Он мой брат. Он жив. Не человек. Но живой.

За деревом, у которого сидел Томми, что-то зашевелилось. Тениси обернулась. Один из коконов, тот, в котором была женщина с медальоном, треснул. Из трещины высунулась рука. Длинная, бледная, с слишком длинными пальцами. Пальцы медленно сгибались, по одному, будто пересчитывали что-то в воздухе.

Тениси остановилась.

— Томми, — сказала она. — Томми, там кто-то просыпается.

Томми не обернулся.

— Пусть, — сказал он. — Она нам не помешает. Мы идём в сад.

Он взял её за руку крепче. Его пальцы впились в её запястье, и на секунду Тениси показалось, что они стали длиннее. Как ветки. Как пальцы, которые махали ей из-за куста ежевики шестьдесят лет назад.

Она не стала вырываться. Она пошла за ним. Потому что это был Томми. Потому что она шла к нему шестьдесят лет. Потому что где-то в глубине души она знала: если она остановится, она не сможет сделать то, зачем пришла.

Она сунула свободную руку в карман халата и нащупала банку с солью и порошком. Стекло было холодное. Единственное холодное здесь.

— Красивый сад, — сказала она.

— Очень, — сказал Томми. — Тебе понравится. Я тебе обещаю.

Они вошли в тень дерева, и свет померк. Где-то в глубине сада запели цветы. Колыбельную. Ту самую. Тениси узнала бы её где угодно.

3

Грядки

Сад за деревом был не такой, как лес. Лес был тесный, мясной, душный. Сад был открытый. Трава здесь росла ровными рядами, как в огороде, и между рядами были проложены дорожки из утоптанного мха. Дорожки блестели, будто их поливали. Тениси шла по одной из них и смотрела под ноги. В траве копошились жуки. Они были крупные, с панцирями, похожими на ногти, и когда Тениси наступала на них, они лопались с сухим треском. Томми шёл впереди и не оборачивался. Он что-то напевал под нос. Ту же колыбельную, только без слов.

— Здесь мы сажаем, — сказал он, останавливаясь у первого ряда. — Вот тут — сладкие. Они быстро растут. А там, дальше, — кислые. Их долго держать надо.

Тениси посмотрела туда, куда он показывал. В траве торчали бугорки. Невысокие, округлые, покрытые тонкой кожицей. Они были похожи на головы. Тениси присмотрелась и увидела, что это и есть головы. Маленькие, с закрытыми глазами, с волосами, проросшими травой. Изо рта у них торчали тонкие стебли. Стебли покачивались. Головы дышали. Медленно, глубоко, как спящие.

— Кто это? — спросила Тениси.

— Разные, — сказал Томми. — Кто приходит, тот и сажается. Сад всех принимает. Ты не бойся. Они не чувствуют. Они спят.

Он присел на корточки у одного бугорка и погладил его по макушке. Голова под его рукой дёрнулась, и веки приподнялись. Глаза у неё были белые, без зрачков. Она посмотрела на Томми и улыбнулась. Улыбка была широкая, счастливая. Тениси узнала эту улыбку. Она видела её на лице Томми шестьдесят лет назад.

— Хорошая, — сказал Томми. — Я её сам посадил. Она была грустная, когда пришла. Теперь нет.

Он встал и пошёл дальше. Тениси пошла за ним. Она старалась не наступать на бугорки, но их было слишком много. Они росли по всему ряду, и некоторые были совсем маленькие, с кулак. Тениси наступила на один и почувствовала, как он хрустнул под ногой. Томми не обернулся. Он шёл и напевал.

В конце ряда стояло пугало. Оно было сделано из палок и старой одежды. На голове у него была шляпа, на плечах — пиджак, в руке — грабли. Тениси сначала подумала, что это просто пугало. Потом оно повернуло голову.

— Новенькая, — сказало пугало. Голос у него был скрипучий, как несмазанное колесо. — Томми, это твоя?

— Моя, — сказал Томми. — Это Тениси. Она пришла за мной.

Пугало посмотрело на неё. Внутри шляпы не было лица. Только темнота и два огонька, похожих на гнилушки.

— Старая, — сказало оно. — Долго шла.

— Шестьдесят лет, — сказала Тениси.

— Здесь это недолго, — сказало пугало. — Я вот стою уже триста. Или четыреста. Сбился.

Оно заскрипело и снова замерло. Тениси поняла, что разговор окончен.

Они прошли мимо пугала и вышли на поле. Поле было большое, круглое, и в центре его росло что-то огромное. Это был не гриб и не дерево. Это было сердце. Оно лежало на земле, как опрокинутый котёл, и пульсировало. С каждым ударом из-под него выходил пар, и трава вокруг становилась выше и зеленее. К сердцу вели дорожки. По дорожкам ползли пикси. Они

несли коконы, маленькие, желтоватые, и складывали их у сердца. Сердце принимало их. Оно обволакивало коконы мхом, и через несколько секунд кокон исчезал. На его месте вырастал бугорок. Новый. Свежий.

Тениси остановилась.

— Что это?

— Сердце сада, — сказал Томми. — Оно всех кормит. И нас, и гостей. Без него мы бы умерли. Оно доброе. Просто есть хочет.

Он подошёл к сердцу и положил на него руку. Сердце дёрнулось и обвило его пальцы тонкими волокнами. Томми засмеялся. Смех у него был детский, счастливый. Тениси смотрела на него и думала: он смеётся. Он трогает это, и оно трогает его. И ему хорошо.

— Томми, — сказала она. — Ты знаешь, что это? Ты знаешь, где ты?

Он обернулся. Улыбка у него стала мягче.

— Я знаю, — сказал он. — Я всё знаю. Я знаю, что здесь время стоит. Я знаю, что я не вырос. Я знаю, что мама умерла. Я слышал, как она плакала, когда ты ушла. — Он сделал паузу. — Я слышал тебя. Каждую ночь. Ты звала меня. Я слышал.

У Тениси перехватило горло.

— Я звала, — сказала она. — Шестьдесят лет.

— Я знаю, — сказал Томми. — Я тоже звал. Но ты не слышала. Здесь нельзя услышать, если сам не в саду. Сад не пускает.

Он отпустил сердце и подошёл к ней. Волокна потянулись за ним, но не дотянулись. Они втянулись обратно в сердце, как язык.

— Я ждал тебя, — сказал Томми. — Я знал, что ты придёшь. Ты всегда приходила. Ты самая упрямая. Мама говорила, что ты упрямая, как осёл. Помнишь?

Тениси помнила. Мать говорила это с любовью, но Тениси всё равно обижалась.

— Помню, — сказала она.

— Я хотел, чтобы ты пришла, — сказал Томми. — Но теперь ты здесь. И я не знаю, что делать.

Он сказал это просто, без страха. Как будто говорил о погоде.

— Что делать? — переспросила Тениси.

— Ты хочешь меня забрать, — сказал Томми. — Я вижу. У тебя в кармане нож и банка. Ты хочешь закрыть круг и уйти. Но я не могу уйти.

— Почему?

Он посмотрел на неё. Глаза у него были взрослые. Старые. Шестьдесят лет — это много, даже если время стоит. Особенно если время стоит.

— Потому что я уже не совсем Томми, — сказал он. — Я Томми и сад. Сад во мне. Если ты закроешь круг, сад умрёт. А я… — Он замолчал. Потом улыбнулся. — Я не знаю, что будет. Может, умру. Может, стану опять маленьким. Может, стану ничем. Я не хочу быть ничем, Тениси. Я хочу быть.

Тениси смотрела на него. На его острые локти, на ссадину на подбородке, на синюю рубашку с оторванным воротником. Он был её брат. Он был чудовище. Он был и тем и другим. И он держал её за руку холодными пальцами, которые становились длиннее, когда он забывался.

— А если я не закрою круг? — спросила она.

— Тогда ты останешься, — сказал Томми. — Сад тебя посадит. Ты будешь расти. Будешь спать. Будешь видеть сны. Хорошие сны. Я буду приходить и рассказывать тебе сказки. Как в детстве. Помнишь, я рассказывал тебе сказки?

Тениси помнила. Он рассказывал плохие сказки. С неправильными концами. Где герой оставался в лесу, а его сестра шла домой одна.

— Помню, — сказала она.

— Оставайся, — сказал Томми. — Пожалуйста. Я не хочу быть один. Я был один шестьдесят лет. Это долго. Даже если время стоит.

Тениси закрыла глаза. Внутри у неё было две Тениси. Одна — семилетняя девочка, которая бежала за братом через ежевику и разбила банку. Другая — старуха с больными коленями и ножом в кармане, которая шестьдесят лет училась убивать то, что живёт в земле. Обе они хотели одного. Но не знали, как это сделать.

Она открыла глаза.

— Томми, — сказала она. — Я не могу остаться. Я старая. Я умру здесь, и сад меня посадит, и я стану грядкой. А ты будешь приходить и рассказывать мне сказки. Но я не хочу быть грядкой. Я хочу уйти. И я хочу, чтобы ты ушёл со мной.

Томми отпустил её руку. Лицо у него стало пустым. Не злым. Просто пустым. Как будто кто-то вынул из него все чувства и оставил только кожу.

— Тогда тебе придётся меня убить, — сказал он. — Потому что я не пойду. Сад не пустит. А если ты закроешь круг, я умру. Ты выбирай, Тениси. Ты всегда выбирала.

Он повернулся и пошёл обратно к сердцу. Тениси стояла и смотрела, как он идёт. Как сердце обвивает его ноги волокнами. Как он смеётся. Как он счастлив.

Она сунула руку в карман и достала банку. Стекло было холодное. Порошок внутри был серо-зелёный, как пыльца. Она посмотрела на него, потом на Томми. Потом на грядки. На бугорки. На головы с закрытыми глазами. На пугало, которое снова заскрипело.

— Тениси, — сказало пугало. — Не стой. Он тебя видит. Он всегда видит. Если ты не сделаешь, он сделает.

Тениси обернулась. Пикси вокруг сердца остановились. Все до одной. Они смотрели на неё. Глаза у них сияли, как светлячки, но в глубине зрачков не отражалось ничего. Только голод.

Томми тоже обернулся. Улыбка у него была широкая, счастливая, чужая.

— Тениси, — сказал он. — Иди сюда. Я тебе покажу, как сажать.

Она сделала шаг назад. Потом ещё один. Потом побежала.

Она бежала по дорожке, мимо пугала, мимо грядок, мимо бугорков, которые дёргались под её ногами. Она бежала к лесу, к мясным деревьям, к туману. Она не знала, куда бежит. Она знала только, что если она остановится, она останется. А если останется, она станет грядкой. И Томми будет приходить и рассказывать ей сказки. Плохие сказки. С неправильными концами.

За спиной кто-то засмеялся. Детский смех, счастливый. Он удалялся. Или приближался. Тениси не могла понять.

Она бежала и сжимала в руке банку. Порошок внутри шуршал. Он был холодный. Единственное холодное здесь.

4

Нора

Она бежала, пока не упала.

Мох подвернулся, как мокрая тряпка, и Тениси полетела вперед, больно ударившись коленями о корень. Банка выскользнула из кармана и покатилась. Тениси поползла за ней, шарила руками по мху, пока не нащупала холодное стекло. Порошок внутри не просыпался. Пока не просыпался.

Она села. Колени горели. Левая рука, та, что плохо сгибалась после зимы, теперь не сгибалась совсем. Тениси посмотрела на неё и увидела, что запястье распухло и посинело. Она не помнила, как ударилась. Наверное, о дерево. Или о корень. Или о что-то ещё.

Вокруг был лес. Мясные деревья стояли плотно, ствол к стволу, и между ними не было тропинок. Тениси не узнавала это место. Она бежала не туда. Она бежала вообще без направления, просто от смеха, который удалялся или приближался, она так и не поняла. Теперь смеха не было. Была тишина. И цветы на ветвях молчали.

Она встала. Колени дрожали. Она сунула банку обратно в карман — глубже, чтобы не выпала, — и пошла. Не бегом. Бегом она уже набегалась. Теперь она шла и считала шаги. Двадцать, сорок, шестьдесят. Ничего не менялось. Деревья были одинаковые. Мох был одинаковый. Даже запах был одинаковый — сладкий, густой, с гнильцой.

Через сотню шагов она поняла, что ходит по кругу. Она узнала дерево с разрезом. Тем самым, который сделала ножом. Кора на нём заросла, но остался шрам — тонкая розовая линия, как от старой царапины. Тениси остановилась и посмотрела на шрам. Он был свежий. Он был её.

Она села под дерево. Не потому, что хотела отдохнуть. Просто ноги перестали держать. Она прислонилась спиной к тёплой коре и закрыла глаза.

Шестьдесят лет. Шестьдесят лет она готовилась. Она знала рецепт, знала врата, знала, что делать. Но она не знала, что будет делать, когда найдёт Томми. Она думала, что найдёт мальчика. Что он заплачет, обнимет её, скажет: «Я ждал тебя». И они уйдут вместе. Она думала, что всё будет как в сказке.

Томми рассказывал ей плохие сказки. С неправильными концами. Она смеялась над ними, когда была маленькой. Она не думала, что попадёт в одну из них.

Она открыла глаза. В траве что-то блестело. Маленькое, круглое, металлическое. Тениси наклонилась и подняла. Это был медальон. Тот самый, с цепочкой. Женщина с медальоном. Он лежал здесь, в траве, будто кто-то обронил его. Или будто кто-то положил его сюда. Для неё.

Тениси открыла медальон. Внутри была фотография. Маленькая, выцветшая, с загнутыми уголками. На фотографии были две девочки. Одна постарше, с косичками. Другая помладше, с волосами, торчащими в разные стороны. Они стояли у забора и улыбались. У старшей улыбка была кривая, одной стороной. У младшей — широкая, счастливая, глупая.

Тениси не помнила эту фотографию. Но она узнала забор. Это был их забор. Тот самый, проволочный, за которым начинался лес. И девочки были они. Томми и Тениси. Только Томми был в платье.

Она перевернула фотографию. На обратной стороне было написано карандашом, её рукой, детским почерком: «Томми и Тениси. Лето. Навсегда».

Тениси закрыла медальон. Руки у неё дрожали. Она не плакала. Она давно не плакала. Но внутри что-то сжалось, как кулак.

— Это не твой медальон, — сказала она вслух. Голос прозвучал глухо. — Это её. Ты забрал его. Ты забрал его и положил сюда. Чтобы я нашла.

Лес молчал.

— Ты хочешь, чтобы я думала, что ты мой брат, — сказала Тениси. — Но мой брат не убивает. Мой брат не сажает людей в грядки. Мой брат не смеётся, когда кто-то умирает.

Она встала. Колени всё ещё дрожали, но теперь она не обращала на них внимания. Она посмотрела на медальон, потом на дерево с шрамом. Потом на лес.

— Я знаю, что ты здесь, — сказала она. — Ты всегда здесь. Ты везде. Ты во мне. Но я тоже в тебе. И я не собираюсь быть грядкой.

Она пошла. Не по кругу, а прямо. Туда, где деревья стояли плотнее всего. Туда, где мох был темнее. Туда, где не было цветов.

Через несколько шагов деревья расступились, и она увидела нору.

Нора была большая, круглая, с краями, поросшими мхом. Из неё пахло землёй и чем-то ещё — кислым, как забродившее молоко. Тениси заглянула внутрь. Там было темно. Но в темноте что-то двигалось. Медленно, тяжело, как будто кто-то полз.

— Эй, — сказала Тениси. — Кто здесь?

Движение прекратилось. Потом началось снова. Кто-то полз к ней. Тениси отступила на шаг и сунула руку в карман. Нож был на месте. Банка была на месте.

Из норы высунулась голова. Она была большая, неправильной формы, покрытая корой и мхом. Глаза у неё были маленькие, глубоко посаженные, как у крота. Рот — широкий, безгубый — открывался и закрывался, как у рыбы.

— Гостья, — сказала голова. Голос у неё был низкий, скрипучий. — Гостья пришла. Давно не было гостей. Гости не приходят. Гости остаются.

— Ты кто? — спросила Тениси.

— Садовник, — сказала голова. — Я садовник. Я ползаю. Я собираю. Я сажаю. Но я не хожу. Ходить — это для тех, у кого есть ноги. У меня нет ног. У меня есть только руки.

Она выползла из норы целиком. Тело у неё было длинное, как у змеи, но вместо чешуи — кора и мох. Руки у неё были длинные, с граблями вместо пальцев. Тениси узнала её. Это был тот самый садовник, которого она видела на развилке. Тот, что собирал грибы в передник. Грибы пищали.

— Ты меня не съешь? — спросила Тениси.

Садовник засмеялся. Смех был похож на скрип несмазанной двери.

— Я не ем гостей, — сказала она. — Я их сажаю. Но тебя я не буду сажать. Ты не гостья. Ты пришла сама. Гости приходят случайно. А ты пришла сама. Таких не сажают. Такие сами сажают.

Тениси не поняла, что это значит, но решила не спрашивать. Она присела на корточки, чтобы быть с садовником на одном уровне.

— Ты знаешь Томми? — спросила она.

Садовник кивнула. Голова у неё качнулась тяжело, как мешок с землёй.

— Мальчик, — сказала она. — Мальчик, который не вырос. Мальчик, который смеётся. Он плохой садовник. Он сажает неправильно. Он сажает тех, кто не хочет. Сад не любит, когда сажают тех, кто не хочет. Сад сердится. Но мальчик не слушает. Мальчик думает, что он сад. Но он не сад. Он гость. Он гость, который забыл, что он гость.

Тениси почувствовала, как что-то холодное шевельнулось у неё в груди.

— Он убил пикси, — сказала она. — Ту, что вела меня. Он убил её ножом.

Садовник снова кивнула.

— Он часто убивает, — сказала она. — Он думает, что если убить, то станешь сильнее. Но это не так. Убивать легко. Растить трудно. Он не умеет растить. Он только сажает. Сажает и забывает. А сад помнит. Сад всегда помнит.

Она посмотрела на Тениси маленькими глубокими глазами.

— Ты хочешь его забрать, — сказала она. Не спросила. Сказала.

— Хочу, — сказала Тениси.

— Нельзя забрать, — сказала садовник. — Он в саду. Сад в нём. Если забрать — умрёт. Или сад умрёт. Или всё умрёт. Сад не любит, когда забирают. Сад любит, когда сажают.

— А если я закрою круг? — спросила Тениси. — У меня есть порошок. И соль. Из грибов, выращенных на костях висельника.

Садовник замерла. Потом медленно подняла голову. Глаза у неё стали шире.

— Кости висельника, — сказала она. — Ты знаешь рецепт. Ты знаешь, как закрыть круг. Ты не просто гостья. Ты та, кто пришла сама. Та, кто может закрыть.

Она выползла из норы целиком и обвилась вокруг Тениси, как змея. Мох у неё на теле был мягкий, тёплый. Пахло землёй и грибами.

— Круг можно закрыть, — сказала она. — Но не порошком. Порошок — это дверь. Дверь можно открыть. Дверь можно закрыть. Но если ты закроешь дверь, мальчик останется внутри. Навсегда. Он не умрёт. Он будет ждать. И сад будет ждать. И когда-нибудь кто-нибудь откроет дверь снова. И тогда мальчик выйдет. И сад выйдет. И всё начнётся сначала.

— Что же делать? — спросила Тениси.

Садовник посмотрела на неё. В её глазах что-то блеснуло. Может быть, жалость. Может быть, голод. Тениси не поняла.

— Есть другой способ, — сказала садовник. — Ты должна стать садом. Не грядкой. Садом. Взять его место. Тогда мальчик станет гостем. Гостем можно забрать. Гостя можно вывести. Но ты останешься. Ты будешь растить. Ты будешь помнить. Ты будешь сажать тех, кто приходит. И ты будешь ждать, когда кто-нибудь придёт за тобой.

Тениси молчала. Она смотрела на садовника, на его кору, на мох, на руки-грабли. Она думала о Томми. О его улыбке. О его смехе. О том, как он держал нож. О том, как он сказал: «Ты выбирай, Тениси. Ты всегда выбирала».

— А если я не хочу быть садом? — спросила она.

— Тогда мальчик останется, — сказала садовник. — И сад останется. И всё будет как было. Ты уйдёшь. И будешь жить. И умрёшь. И забудешь. А мальчик будет ждать. И сад будет ждать. И однажды кто-нибудь придёт. Может быть, ребёнок. Может быть, старуха. Может быть, никто. Но сад будет ждать.

Она отпустила Тениси и заползла обратно в нору. У норы она остановилась и обернулась.

— Ты хорошая, — сказала она. — Ты пришла сама. Такие не приходят. Такие не остаются. Жалко. Из тебя бы вышла хорошая грядка. Но сад не любит, когда сажают тех, кто не хочет. Сад сердится. Я не хочу, чтобы сад сердился.

Она исчезла в норе. Мох над норой сомкнулся, и через секунду на этом месте был просто бугорок. Такой же, как грядки. Только пустой.

Тениси осталась одна. Она сидела на корточках и смотрела на бугорок. В руке у неё был медальон. В кармане — банка. В голове — две Тениси. Семилетняя и шестидесятисемилетняя. Обе хотели одного. Обе не знали, как.

Она встала. Сунула медальон в карман, к банке. И пошла обратно. К Томми. К сердцу сада. К грядкам.

Она шла и считала шаги. Двадцать, сорок, шестьдесят. Теперь она знала, куда идёт. И знала, что скажет.

Она скажет: «Томми, я остаюсь».

И это будет правдой. Но не всей.

5

Сердце

Томми ждал её у сердца.

Он сидел на корточках, как тогда, за деревом, и что-то чертил палочкой на земле. Пикси вокруг него не было. Сердце билось медленно, тяжело, и с каждым ударом трава вокруг становилась чуть выше. Тениси вышла из леса и остановилась. Он поднял голову.

— Вернулась, — сказал он. Не удивился. Просто сказал.

— Вернулась, — сказала Тениси.

Она подошла. Колени у неё всё ещё ныли, запястье распухло, но она шла ровно. Она шестьдесят лет училась ходить ровно, когда внутри всё горело. Это оказалось полезно.

— Я остаюсь, — сказала она.

Томми встал. Лицо у него стало другое. Не счастливое. Растерянное. Как будто он ждал этих слов шестьдесят лет и всё равно не поверил.

— Ты врёшь, — сказал он.

— Не вру.

— Врёшь. Ты всегда врёшь, когда хочешь что-то получить. Ты в детстве врала, когда хотела мою свистульку. Ты говорила: «Томми, дай, я только посмотрю», а потом не отдавала.

Тениси почти улыбнулась. Почти.

— Это было один раз, — сказала она. — И ты сам её сломал.

— Я не ломал. Она сама сломалась. Она была плохая.

— Она была хорошая. Ты просто дул слишком сильно.

Они стояли и смотрели друг на друга. Между ними было шестьдесят лет и два шага мха. Тениси чувствовала, как сердце за спиной Томми бьётся ровно, как метроном. Оно не ускорялось. Ему было всё равно.

— Если ты остаёшься, — сказал Томми медленно, — то ты должна сделать то, что делают все. Ты должна посадить. Сад не любит, когда гости просто ходят. Сад хочет, чтобы гости работали.

— Хорошо, — сказала Тениси. — Я посажу.

Томми прищурился.

— Ты не понимаешь. Посадить — это не в огороде копаться. Это… — Он замолчал, подбирая слова. — Это отдать. Ты должна отдать что-то, что тебе дорого. Сад берёт и взамен даёт. Но берёт всегда больше, чем даёт. Так устроено.

— Что ты отдал? — спросила Тениси.

Томми посмотрел на неё. Долго. Потом улыбнулся — той самой улыбкой, кривой, одной стороной.

— Себя, — сказал он. — Я отдал себя. Сад взял меня и сделал своим. Я теперь не просто Томми. Я Томми и сад. Я говорил тебе.

— Говорил, — согласилась Тениси. — А что будет, если я отдам себя?

— Ты станешь садом, — сказал Томми. — Как я. Как садовник. Как все, кто остался. Ты будешь растить. Будешь помнить. Будешь ждать.

— А ты?

— А я буду с тобой, — сказал он. — Мы будем вместе. Как раньше. Только теперь всегда. Никто не умрёт. Никто не уйдёт. Ты не уйдёшь. Я не уйду. Сад не отпустит.

Тениси кивнула. Она смотрела на него и думала: он верит. Он правда верит. Он думает, что это хорошо. Он думает, что вечность с садом — это лучше, чем шестьдесят лет одиночества. Может, он прав. Может, для него это и есть счастье. Но для неё — нет.

Она подошла к сердцу. Оно было большое, тёмное, пульсирующее. Волокна тянулись к ней, как руки. Тениси не отступила. Она посмотрела на него, потом на Томми.

— Покажи мне, — сказала она. — Покажи, как сажать.

Томми оживился. Он подбежал к ней, взял за руку — его пальцы были холодные и слишком длинные, но она не отняла руку, — и повёл вокруг сердца. За сердцем был ряд коконов. Они лежали на земле, как мешки с мукой. Пикси стояли рядом, готовые поднять их и отнести к сердцу.

— Вот, — сказал Томми. — Смотри. Сначала выбираешь. Кокон должен быть спелый. Если зелёный — не бери, он ещё не готов. Если слишком тёмный — тоже не бери, он уже переспел, из него ничего не вырастет. Нужен ровный, жёлтый, тёплый. Потрогай.

Тениси потрогала ближайший кокон. Он был тёплый, мягкий, как живот. Внутри кто-то спал. Тениси видела тёмный силуэт: согнутые колени, прижатые к груди руки. Она отняла ладонь.

— А потом?

— Потом кладёшь на сердце, — сказал Томми. — И ждёшь. Сердце само сделает. Оно умное. Оно знает, кого куда.

Он поднял кокон и положил его на сердце. Волокна сразу обвили его, как пальцы. Кокон дёрнулся. Внутри кто-то забился. Тениси услышала глухой крик, будто через подушку. Крик был короткий. Потом кокон обмяк. Волокна втянулись в сердце, и на его месте остался бугорок. Маленький, свежий, покрытый тонкой кожицей. Из бугорка пророс стебель. Он покачивался.

Тениси смотрела на стебель и думала: это был человек. Может, женщина с медальоном. Может, кто-то ещё. Теперь это грядка. Через год из неё вырастет что-то. Может быть, цветок. Может быть, гриб. Может быть, ничего.

— Видишь? — сказал Томми. — Просто.

— Просто, — сказала Тениси.

Она сунула руку в карман. Банка была холодная. Нож был холодный. Медальон был холодный. Всё холодное было у неё. Всё тёплое было здесь.

— А если я не хочу сажать? — спросила она.

Томми обернулся. Улыбка у него застыла.

— Ты сказала, что остаёшься.

— Я остаюсь. Но я не сказала, что буду сажать.

— Тогда сад тебя посадит, — сказал он. — Сад не любит, когда гости не работают. Он берёт их сам.

— Знаю, — сказала Тениси. — Мне садовник рассказал.

Томми вздрогнул. Впервые за всё время он вздрогнул. Лицо у него стало злое.

— Садовник, — сказал он. — Ты говорила с садовником. Он тебе наврал. Он всегда врёт. Он хочет, чтобы сад умер. Он хочет, чтобы всё умерло. Он злой.

— Он сказал, что ты убиваешь, — сказала Тениси. — Он сказал, что ты плохой садовник. Что ты сажаешь тех, кто не хочет. Что сад сердится.

— Сад не сердится! — крикнул Томми. Голос у него сорвался, стал визгливым. — Сад хочет! Сад всегда хочет! Я делаю то, что хочет сад! Я хороший! Я лучше всех! Я шестьдесят лет работаю! Я никого не отпускаю! Никого!

Он тяжело дышал. Грудь у него вздымалась. Глаза были бешеные. Тениси смотрела на него и видела не мальчика, а что-то другое. Что-то старое, усталое, злое. Что-то, что носило мальчика, как рубашку.

— Томми, — сказала она тихо. — Где ты?

Он замер.

— Что?

— Где ты? — повторила Тениси. — Настоящий ты. Тот, который вырезал свистульки. Тот, который рассказывал плохие сказки. Тот, который порвал рубашку о гвоздь и сказал, что это будет наша тайна. Где он?

Томми смотрел на неё. Лицо у него дрогнуло. На секунду — только на секунду — из него выглянул кто-то другой. Испуганный. Маленький. Настоящий.

Потом он моргнул, и это прошло.

— Я здесь, — сказал он. — Я всегда здесь. Я Томми. Я твой брат. Ты сама сказала. Ты шла шестьдесят лет. Ты пришла. Ты нашла. Я здесь.

— Ты не здесь, — сказала Тениси. — Ты в сердце. Ты в коконе. Ты спишь. А то, что я вижу, — это сад. Сад надел тебя, как рубашку. И ты забыл, что ты не сад. Ты гость, который забыл, что он гость.

Томми отступил на шаг. Потом ещё на шаг. Лицо у него стало белое, как гриб.

— Кто тебе сказал? — прошептал он. — Кто?

— Садовник. И ты сам. Ты сказал: «Я не совсем Томми». Ты сказал: «Сад во мне». Ты сказал: «Я не знаю, что будет, если круг закроется». Ты боялся. Настоящий Томми боится. Сад не боится. Сад ничего не боится.

Томми замолчал. Он стоял и смотрел на неё, и в глазах у него было что-то, чего Тениси раньше не видела. Не голод. Не злость. Что-то другое. Может быть, страх. Может быть, узнавание.

— Тениси, — сказал он. Голос у него был тихий. — Тениси, я не хотел. Я не хотел быть один. Я так долго был один. Я забыл, как это — когда кто-то есть. Я думал, если я буду сажать, то не буду один. Но они не разговаривают. Они спят. Они всегда спят. Я сажаю, а они спят. И я один. Всё равно один.

Он сделал шаг к ней. Потом ещё один. Пальцы у него дрожали.

— Помоги мне, — сказал он. — Тениси, помоги. Я не знаю, как выйти. Я не знаю, где я. Я запутался. Я так запутался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.